



ИВАН ПАНКЕЕВ

ЗАСТУПНИК

Умереть за друга при каких-нибудь исключительных обстоятельствах менее возвышенно, чем ежедневно и втайне жертвовать собой ради него.

С т е н д а л ь

Правда требует стойкости: за правду надо стоять или висеть на кресте, к истине человек движется. Правды надо держаться — истину надо искать.

М. М. П р и ш в и н

Незаменимый Владимир Иванович Даль, столько раз приходивший на помощь каждому из нас, в данном случае лишний раз подтвердил не только правильность толкования слова, но и заставил посмотреть на него другими глазами. «Заступать» — заслонять собою, ограждать, оборонять, защищать. И отсюда уже — «заступник» — защитник, покровитель. И далее — «заступчивый» — заступающийся за других.

Сергей Орлов всю свою жизнь был заступником. Защищал от врага Родину; боролся за чистоту поэзии; не давал в обиду друзей; приходил на помощь молодым и неуверенным в себе.

«По заступке и спасибо» — говорят в народе. Благодарностей в свой адрес Орлов не любил, но и по сей день десятки тех, с кем работал он, дружил, встречался, вспоминают его добрым словом, и в разговоре обязательно всплывает очередная его «заступка» за кого-то: сколько же их было-то? Впрочем, глупый вопрос — доброта учету не поддается. На сей счет есть другая народная же мудрость: «Заступное дело святое». И уж коль уверен в своей правоте, до конца борись. Сергей Орлов обязанностью своей считал не допускать несправедливости ни в каком ее виде и ни под каким предлогом. Вот уже сколько лет прошло, как его нет, а в разговоре, даже недалом, рабочем — и Н. Доризо, и А. Алексин, и А. Смольников, и Ю. Воронов, и многие другие из знавших поэта упоминают о его работоспособности: читал, звонил, писал, выяснял, добивался до тех пор, пока не убеждался — помог человеку, не позволил человека незаслуженно обидеть.

Коль уж мы вспомнили две народные мудрости, вспомним и третью, без нее не обойтись. Давнее присловье, а в каждом возрасте по-новому понимается: «Есть дружок, есть заступничек». Всяко можно толковать: в молодости — воедино сливая и дружка, и заступничка; по зрелости — противопоставляя их: мол, дружок дружком, но есть и заступничек; дружок для веселья, заступничек — для покоя.

Сергей Орлов был заступником.

Впрочем, слово «был» относится к нему только как к человеку — все мы, увы, не вечны. А как поэт, как общественный деятель — он заступником остался и по сей день: достаточно прочитать его статьи, сотни выступлений в газетах, его стихи — и поймешь это.

«Бесконечные поездки по областям и краям, подготовка докладов требовали огромного времени, особенно если учесть, что Сергей Орлов не позволял себе да и просто не умел ничего делать наспех, кое-как — все с полной отдачей... В Ленинграде он избирался депутатом горсовета, работал в редколлегии журнала «Нева», был членом правления Союза писателей. Будучи избран секретарем правления Союза писателей РСФСР, Сергей Орлов переезжает в Москву, и здесь его творческий опыт и чувство ответственности полной мерой служили делу развития многонациональной советской литературы. Эти же качества его очень пригодились и для работы в комитете по Ленинским и Государственным премиям» (В. Оботуров).

«Однажды у нас возник разговор об Ольге Фокиной, которую Орлов высоко ставил как представительницу следующего за его собственным поколения поэтов: «Фокина не скрывает своей любви к деревне. Деревня для нее — не только место рождения, но и источник вдохновения, поддержки» (Д. Хренков).

«Сергей переехал в Москву и стал секретарем Российской писательской организации. Отношения наши вошли в нормальное русло еще задолго до того. Он был прав: как могли конфликтовать мы, когда теперь уже на наши плечи легла обязанность воспитания молодой смены литераторов, людей с разными характерами, порой и легко ранимых» (Арк. Минчиковский).

«Это сердце умело заботиться только о других. Так уж оно было устроено, это сердце. Великое сердце» (М. Дудин).

«Я внимательно читаю материалы дискуссии в «Литературной газете», идущие под рубрикой «Человек будущего. Каков он?», и все чаще ловлю себя на мысли: человек этот будет таким, каким уже был Сергей Орлов... Хочу упомянуть еще об одной благородной черте Орлова — о всегда открытой поддержке друзей, о помощи им, ограждении от несправедливой критики и нападков. Было у него какое-то острое чувство на хороших людей — человек нечестный, какие бы посты он ни занимал, долго в близком окружении Сергея Орлова не задерживался.

Иногда после резких прямых выступлений поэта против несправедливых обид, наносимых товарищу, слышались реплики: Орлов не может, мол, в данном случае быть объективным, поскольку речь идет о его личном друге.

Орлов отвечал на это, что право и обязанность выступить так и дает ему именно то обстоятельство, что никто не знает человека лучше и всесторонней, чем настоящий друг, и он не допускает даже мысли о своем невмешательстве, иначе какие же они друзья» (Б. Пидемский).

Это всего лишь малая толика из того, что говорили о поэте люди, знавшие его многие годы. Но, читая критические выступления самого Орлова, понимаешь, что главным делом он считал защиту Поэзии от обмеления, разбавления ее «стишками». Внимательно и пристально следя за литературным процессом, поэт сразу же откликался на спорные вопросы, словно сознавая, что по законам высшей справедливости доброе дело не может остаться незамеченным, а доброе слово — неуслышанным. В свое время, когда раздавались возгласы о том, что поэты, мол, больше пишут о войне, чем о жизни тыла и стройках, С. Орлов взял на себя труд внести ясность в этот вопрос, сказать, как он его понимает: «Критика, характеризующая творчество поэтов первого послевоенного поколения, пишет, что это поэты, детство которых опалила война, и на том ставит точку, не пытаясь шире прочесть эти стихи и сформулировать далее то, что в общем ясно и видно, но почему-то не произнесено вслух, не напечатано в печати. Поэты первого послевоенного поколения написали пронзительные обжигающие стихи о жизни во время Великой Отечественной войны в тылу...»

Слова эти во многом поддерживали не только конкретных поэтов, о которых шла речь, они позволили шире взглянуть на всю российскую поэтическую палитру, помогли оценить целое направление, работу, проделанную поколением стихотворцев. Отдавая себе отчет в том, что значит выступление авторитетного лица, имеющего не только славу, но и облеченного должностями и званиями, С. Орлов прибегал к подобным выступлениям лишь тогда, когда чувствовал, что необходимо **заступничество**. Словес он не любил, за словом у него всегда стояло дело. Того же требовал и от других. Не потому ли в поэта верили, знали его

творчество, принимали как своего, близкого, что видели в нем конкретного защитника, помощника? Критик Владимир Коробов, побывав на Орловских чтениях в Белозерске, записал по возвращении: «Белозерская земля знает, помнит и чтит своих сынов! Не найдете вы в этом краю человека, которому было бы неизвестно имя Сергея Орлова, и не только потому, что в Белозерске одна из улиц названа его именем, а на школе, где учился поэт, висит мемориальная доска. Зайдите в райком партии, дождитесь свободной минутки у Юрия Александровича Прилежаева и Ивана Игнатьевича Бузина — секретарей Белозерского райкома, спросите их об Орлове. И, если не праздное любопытство влекло вас, вы услышите от этих добрых и отзывчивых людей удивительные рассказы о поэте, они прочитают вам наизусть многие его стихи, которые чувствуют и понимают удивительно проникновенно и верно».

В эпиграфе этой главы есть слова о правде. С. Орлов немало страниц посвятил ей, ибо видел ее во всем, и она была для него самой жизнью.

Россия есть у каждого своя:
Свои леса в ней и свои поляны,
Свои враги в ней и свои друзья,
Свои у всех на будущее планы.

Но черный хлеб ее — у всех один,
Насущный хлеб, что Правдою зовется.
Не все им сыты. Только все едим.
Его хватает нам и остается.

Кто скажет, что он всегда сладок и мягок, этот насущный хлеб истины, что он легко достается? Но все прочие хлеба не насытят душу поэта, если не будет этого, главного, основного — Правды. И Орлов старался следовать ей во всем, хотя это было хлопотно, накладно, требовало сил, энергии, времени, нервов. И вот уже появляются стихи, призывающие к защите природы — после того, как было говорено и переговорено о сохранении лесов:

Леса уходят. Жалко мне леса.
Уходят ели, сосны и березы,
Рябины гасят пламенные грозды,
Осинников смолкают голоса.

Когда-то жили в тех лесах дубы,
И ясени, и золотые клены.
Куда им деться от такой судьбы —
Лес вырубают, океан зеленый.

Я был в Европе, там леса хранят,
Стоят, пронумерованы, деревья,
И ни соринки на земле, и в ряд
Приглаженные тянутся корни.

И, может, можно сохранить леса,
А не деревьев ценные породы?
Леса поют и плачут, как народы,
На все свои живые голоса.

С первого взгляда — проблема ли? Да и защита ли это в чистом виде? К тому же стоило ли низводить поэзию до публицистичности по сему поводу?

Проблема. Защита. Стоило. Это я окончательно понял, когда столкнулся с проблемой сохранения лесов. Правда, произошло это спустя двадцать лет после того, как было опубликовано приведенное выше стихотворение С. Орлова. Но сей срок только подтверждает тот факт, что поэт одним из первых поднимал острые вопросы, привлекая к ним внимание общественности. Помню, с какой болью пришедший ко мне, как к сотруднику «Нашего современника», лесовед А. Лисе-

ев рассказывал о том, что «не существует даже нетронутых лесов ни в Вологодской, ни в Новгородской, ни в Свердловской областях. Напрасно искали их в Никольском, Кичменско-Городокском, Митинском леспромхозах. Пролетая над столь многолесной некогда Вологодчиной, проезжая на машине, идя пешком, не нашел я ни островка настоящей, дремучей, девственной тайги... Слишком долго брал человек у лесов все, что хотел! Бездумно и беспечно, без всякого плана». В статье, которая затем была журналом опубликована, Лисеев привел десятки цифр, которые невозможно было воспринимать без содрогания. Общественный резонанс — отклики в газетах, читательские письма — показал, что проблема затронула многих, что она не решена, требуется вмешательство, помощь.

Пример этот я привел лишь для того, чтобы наглядно проиллюстрировать свою мысль: темы, за которые брался С. Орлов, никогда не были мелкими, сиюминутными. И речь даже не столько о том, что он любил родную Вологодчину и сердце его за нее болело, сколько о том, что любил он Землю, человечество, и понимал, что ущерб наносится невосполнимый. Когда затопили, строя Волго-Балт, родную деревню поэта Мегру, он написал болевое:

Моей деревни больше нету.
Она жила без счета лет,
Как луг, как небо, бор и ветер —
Теперь ее на свете нет.

Плывут над ней, взрывая воды,
Не зная, что она была,
Белы, как солнце, пароходы,
Планеты стали и стекла.

И я пройду по дну всю пойму,
Как под водой ни тяжело.
Я все потопленное помню.
Я слышу звон колоколов...

Или эти невеселые строки, возникшие после долгих размышлений:

Мы, дети природы, забыли природу.
Она нам не враг и не друг.
На лоне ее не бываем по году.
А годы — костры на ветру.

Разве это только его личное? И разве не отзывается его боль в наших сердцах болью наших, известных нам утрат?

На всю жизнь осталась в Орлове та фронтовая, военная способность, не раздумывая, приходить на помощь. Как это у Бальзака — «Гражданское мужество и военное мужество произрастают из одного начала». Значит, его гражданское мужество было органичным продолжением мужества военного. Иначе он жить не умел и не хотел. Стеснительный по природе, он забывал о застенчивости, когда надо было выручать товарища. Был в его биографии даже такой эпизод: один из знакомых Орлова, переоценив свои способности, взобрался на эстраду и стал в микрофон петь. После первых же слов стало ясно: конфуза не избежать, голоса у «певца» нет. Орлов встал с места и быстро пошел к сцене. Через несколько мгновений они пели уже вдвоем, а затем благодаря призывам Орлова — и весь зал. Когда затем поэт спросил, какая сила заставила его подняться на эстраду, он лишь рукой махнул: мол, товарища выручать надо было — мог оконфузиться перед начальством.

О, если бы все жизненные сложности были похожи на эту анекдотичную ситуацию!.. Увы...

Когда речь заходила о поэзии, главном для Орлова деле, он был предельно честен в оценках, мнених, пожеланиях.

Общезвестна работа Орлова о молодом поколении в поэзии. Он читал горы рукописей, рекомендовал, если это были хорошие стихи, консультировал. На

третьем Всесоюзном совещании молодых писателей руководил семинаром. Даже с такой высокой трибуны, как съездовская (имею в виду Первый Учредительный съезд писателей Российской Федерации в декабре 1958 года), он, сам пришедший в поэзию двадцатилетним, отстаивает права молодых поэтов на публикации, на равноправное существование в литературе с более старшими поколениями; выступает за то, что единственным мерилom в литературном деле может и должен быть талант, но не возраст и не количество выпущенных книг.

С гордостью Орлов говорил о том, что журнал «Нева», в котором он ведал поэтическим отделом, только в 1958 году опубликовал произведения девятнадцати молодых авторов («Это так называемые молодые, которых, если судить по критике, в поэзии не существует... Критика ограничивается разговором только об известных поэтах, имена которых прочно введены в обиход. Широкий литературный процесс остается вне ее поля зрения»).

Разве это не актуально и нынче? Не столько упрек критике, сколько — явление само по себе: инертность, инерционность. Не зря об этом было сказано и с трибуны XXVII партийного съезда: «Естественный принцип жизнедеятельности нашего общества — критика и самокритика. Без них нет развития. Литературно-художественной критике пора стряхнуть с себя благодушие и чинопочитание, развешивающие здоровую мораль, памятуя, что критика — дело общественное, а не сфера обслуживания авторских самолюбий и амбиций».

Сергей Орлов был заступником. И это старое, к сожалению, уже почти позабытое нами теперь слово, подходило к нему как никакое другое. Заступничество стало для него состоянием души, необходимой частью жизни. Сокрушаясь на съезде о том, что у нас нет даже «ежемесячных обзоров поэтических отделов журналов», он развивает и проводит эту мысль в нескольких статьях, в частности, в статье «День нынешний...»: «Мы почти забыли времена, когда в печати регулярно появлялись обзоры поэтических отделов очередных номеров литературно-художественных журналов, когда критики рассматривали поэзию даже за полгода или за год, когда (подумать только!) печатались статьи с широким охватом современной поэзии, написанные за обыкновенным письменным столом, в обыкновенных творческих муках с поисками не только истины, но слова и образа».

Ныне обзоры поэтических отделов журналов не пишутся. О поэзии чаще всего лишь говорят за «круглым столом», беседуют или дают интервью. «Круглые столы», как известно, углов не имеют».

В свое время я сам рискнул, прочитав эти строки впервые, написать обзор поэтических отделов российских журналов за год, начав его именно этими строками Орлова. Читательская почта — явление, надо признать, загадочное, так как ее невозможно прогнозировать — откликнулась на давнее замечание поэта, поступили предложения продолжать обзоры. Значит, заступничество — это не только конкретная помощь данному человеку в определенное время, но и то, что вызывает подобные импульсы и толкает на подобный шаг других спустя многие годы? Развиваясь, со временем оно накапливает заряд и с новой силой идет в бой во имя добра — именно так повели себя орловские слова о поэзии, его, ставшие уже знаменитыми, статьи о «физиках и лириках», «Читая стихи товарищей», «Север — край поэтический», «С подлинным верно» и все остальные, вошедшие в книгу статей «Наедине с собою». Книгу, которую по праву можно назвать не прозой поэта, как это теперь принято делать, но — доброжелательной, заинтересованной критикой человека, кровно переживающего за состояние дел в родном доме, имя которому — Поэзия.

«Что же говорит критика о поэзии? Главное можно сформулировать так: критика опечалена состоянием современной поэзии; она считает, что поэзия отстает от современной прозы, успехи которой несомненны, поскольку проза радует читателя появлением новых имен и новых талантливых произведений».

Новых ярких имен в поэзии в последнее время действительно не появилось. Но отстает ли поэзия от прозы, вопрос, на мой взгляд, странный, сказать точнее, суетный вопрос. Как сказал Пушкин, «можно ли сказать, что хороший завтрак лучше дурной погоды». Поэзия не может отставать от чего-либо, кроме поэзии, да и то не по сути своей, а по масштабам, темпераменту, по идейности и широте звучания».

Как видим, Орлова никогда не оставлял равнодушным разговор о поэзии, о

литературе, ибо он чувствовал свою личную, персональную ответственность за литературу. Защищая поэзию от нападок, он тем не менее никогда не закрывал глаза на недостатки, признавал их, критиковал сам, но при этом всегда старался выяснить причины, корни, помочь советом. Не потому ли он был большим поэтом, что был большим человеком — с широкой, доброй душой, огромным запасом знаний, со страстным желанием сделать мир и людей лучше, чище, выше. Не стоит думать, что заступничество Орлова — это всего лишь стремление быть или казаться добреньким для всех. Нет, это не так. Защищая конкретных поэтов, он выдвигает и конкретные задачи, требования. Вслушайтесь: «Я знаю, что в Ленинграде его (Ярослава Смелякова.— И. П.) книг нет. Но мне также известно, что 15 тысяч экземпляров его книги лежат на складах Книготорга. Известно и имя поэта Александра Решетова. Книготорг и в этом случае держит на складах значительную часть тиража, действуя по принципу: «Сам не ем и другим не дам». Я не думаю, что за последние годы в народе упал интерес к поэзии. Нигде в мире стихи не печатаются в газетах так широко, как у нас. Оно и понятно. Нигде в капиталистическом мире нет такой поэзии, как у нас, близкой и нужной широким массам».

Давайте еще раз прочитаем в его статью «День нынешний». «Стихов в наше время пишется и печатается очень много; что же касается поэзии, то ее никогда не бывает слишком много. Поэзии всегда не хватает». Строго? Да, строго. И дальше — столь же строго и сдержанно, но недвусмысленно положительно, с одобрением — о стихах фронтового поколения: «талант, мастерство, оригинальность мышления — самобытность каждого из поэтов фронтового поколения, непохожесть друг на друга, разность стилей — вот то остальное, на что необходимо было бы почаще обращать внимание в рассуждениях о поэзии фронтового поколения» (выделено мною.— И. П.).

Ценность заступничества Сергея Орлова, когда речь идет о поэзии вообще и о творчестве поэтов-фронтовиков в частности, заключается еще и в том, что оно, это заступничество, было постоянным, непрерывным.

Не было случая, чтобы Орлов пропустил высказывание о том, что фронтовики свое дело сделали, что пора бы им освободить место для молодежи. Считая военное поколение стержневым, самым стойким, выдержанным и сильным, он не оправдывался, а жестко, логично расставлял все на свои места. В 1965 году, на Втором съезде писателей РСФСР, упомянув, что «про военное поколение вроде бы и забыли. То ли кое-кому показалось, что нас — поэтов военного поколения уже нет, то ли кто-то решил, что нам захотелось отсидеться в тиши», Орлов построил свой ответ четко, аргументированно: «Давайте окинем взором гребни некоторых волн, которые были шумны и высоки не так давно. Критика то била в литавры и трубила в трубы, то хваталась за свистки, заливаясь длинными трелями, как милиция под светофорами. Я... не собираюсь поучать или охавать наше молодое поэтическое поколение. Но я должен продолжить то, что начал. Короче, обстановка в поэзии сложилась такая, что зачастую откровенная пошлятина стала возводиться в ранг лирики.

И вот тогда прозвучал голос поэтов военного поколения.

Марк Максимов в соавторстве с Ярославом Смеляковым выступили в «Известиях» со статьей «Осторожно — мещанство!», Юлия Друнина сказала свое прямо-таки неженское слово о поэзии эстрады и поэзии трибуны. Против графоманства и легкого отношения к тяжелой нашей работе в «Комсомольской правде» напечатал статью Александр Межиров. Вышла из печати серьезная и глубоко личная и потому атакующая книга Михаила Луконина «Товарищ поэзия». Прозвучали статьи Сергея Наровчатова... Они возвращают в практику литературной жизни понятие критерия, без которого невозможно ни осмысливать, ни утверждать ценности в их реальной стоимости....»

Чем иным, если не заступничеством, не желанием торжества истины, продиктованы были душе поэта эти слова?

Видимо, такому явлению, как заступничество, подвластен закон обратного воздействия. Не знаю, существует ли такой закон, но для себя я сформулировал его так: если ты делаешь доброе дело, то ты увеличиваешь этим общий уровень доброты в мире, а значит, и к тебе отнесутся с большей добротой, нежели еще вчера. Делай добро, и тебе воздастся.

Если ты — защитник, то защищенные тобою — твои защитники.

Пример Сергея Орлова еще раз подтвердил это.

Говорят, чужая душа — потемки. Никак не могу применить эти слова к Сергею Орлову — не получается, все кажется, что его душа была распахнута, на виду, и потому в ней было много света. Так много, что он доходит до нас и по сей день.

...К чему оно так часто вспоминается, это орловское стихотворение начала семидесятых «Узнал я, право где и лево...»? Лишь сейчас, размышляя о заступничестве, понял, к чему: заботясь о десятках лучших, в сущности, людей, защищая их и им помогая, сам он, поэт Сергей Орлов, никогда не окружал себя забором недоступности, не создавал барьера из должностей и званий, который оградил бы его от невзгод. Оставался скромным, застенчивым, надеялся на свои руки и свою голову, очень много работал и не считал себя выше, заслуженнее других.

Узнал я, право где и лево,
Где бог, а также где порог,
И цену пороху и хлебу
Давно усвоил назубок.

Но не пошла мне впрок наука
И грустный не помог урок,—
Я принимал врага за друга
И ошибался, сколько мог.

Ни перед кем не виноватый,
Не сват кому-то и не брат,
С корявым рылом бородастый
Опять в калашный лезу ряд.

Зачем? Не знаю сам ответа.
Иду, потрепан, бит и мят.
Такая выпала планета,
А ей ведь в зубы не глядят.

Это одно из тех стихотворений, которым комментарии только вредят. Здесь все на месте, все ясно, все — из души в душу. Удивительное дело: сколько раз читал его вслух — друзьям, знакомым, и вовсе незнакомым людям; сколько раз повторял про себя — не стыть. А оно все читается и читается, и каждый раз — по-новому, по-своему.

...За полгода до смерти, в апреле 1977-го, Орлов написал небольшое, в шестнадцать строк, стихотворение, которое по прочтении оставляет в душе чувство смутной тревоги: словно находишься на палубе корабля, готовящегося выйти в штормовое море. Не знаю, в чем тут дело, но мне оно постоянно напоминает одно из самых острых переживаний: серо-фиолетовый Тихий океан и наш корабль, над которым зависла огромная, многометровой высоты, волна. Сложное ощущение борьбы и выживания, падения и взлета, надежды и крушения, очищения и тревоги...

Всю ночь ревели в бухте море,
Шли волны, словно поезда,
И, одинокая, в просторе
Мерцала, как маяк, звезда.

А может быть, патрульный катер
Меж волн взлетал и падал вниз —
На вахте в заданном квадрате
Вел поиск, несмотря на риск.

А море в берег било, било,
Как будто колокол во мгле —
И потому тревожно было
Всю ночь до света на Земле.

И не уснуть под этот грохот,
И бодрствовать невмочь уже...
А может, это ты, эпоха,
Всю ночь звучишь в моей душе?..

...Во время того штормового перехода, с немалыми трудами добираясь до каюты, в которой незакрепленные вещи сталкивались друг с другом, я осторожно поднимал металлическую трубку, наглухо прижимавшую книги к полке, брал в руки толстый желтый том «Белого озера», снова «стопорил» книги и ложился читать. Сборник был уже порядком истрепан, и по состоянию страниц можно было определить, что нравилось морякам больше, что — меньше. Неужели и тогда, практически не нуждавшиеся, как и все двадцатилетние, в заступничестве, мы подспудно, интуитивно чувствовали в его стихах силу, способную сообщить нашим душам твердость, решительность, жизнестойкость?

...Выхожу из московской квартиры Орловых на улице Крупской, долго и неторопливо бреду к реке, а затем вдоль нее; вспоминаются все новые и новые строки поэта, строки, помогающие жить:

А с вами не бывает так?
По вечерам, перед закатом,
Ты застываешь просто так,
Не грустью — мыслью вдруг объятый.

Вхожу в свой домашний кабинет, и среди множества книг безошибочно взгляд отыскивает десяток разноформатных сборников, на корешках которых значится знакомое — Сергей Орлов.